Б. Т. Б-в

«О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской.

Собрание разных статей А. Бухарева». Москва, 1865 г. (рецензия)

Книга с означенным заглавием представляет собою состоящий из 633 страниц сборник статей, написанных о разных предметах, с заманчивыми для всякого ученого, тем больше — богослова, заглавиями. Во всех этих статьях, при различии предмета, веет присутствие одной общей мысли, проглядывает одна общая задача, которую задал себе автор. Эта общая мысль, эта основная задача, по подлинным словам предисловия к сборнику, состоит в том, чтобы «для раскрытия пред миром жизненного света православия и для истинного удовлетворения современных наших потребностей, проводить начала Христовой истины и благодати и во всякие мирские области жизни и знания, руководясь в этом человеколюбивым духом Самого, снисшедшего в мир и вземлющего грехи мира, Агнца Божия — Христа». Раскрытие этой мысли предлагается автором в таком духе, что он думает не только породнить между собою две различные области мысли и жизни, знания и веры, область духовного и мирского, естественного и благодатного, но старается выяснить причину и указать способы непременного их сближения и объединения — в лице Агнца Божия, подъявшего все грехи мира и спасающего человека, в лице Иисуса Христа — «Главы и души нашей, общей верующему гражданству с церковною иерархиею» (с. 9–10; 274). Выполнение этой задачи автор простирает до того, что старается показать собственно-русскому обществу и его членам: как оно и эти члены, не отступая от духа и смысла Христовой веры, должны исправлять дела мысли и жизни, чтобы «приобретать Христа» и находиться в благодатном звании Его последователей как

лиц, искупленных Агнцем и призванных к союзу с Ним и Его Отцом.

Было бы, разумеется, странно осуждать это стремление автора, вполне достойное серьезного мыслителя, желающего разгадать действительные нужды современного общества; задача его статей заслуживает от нас полного сочувствия и внимания; против нее нет слов, не должно быть и возражений; потому что религия и жизнь, вера и знание, Церковь и государство — это такие области, которые объединяются между собою самою природою человека, которая непременно желает веровать в Бога и жить в сообществе с другими; эта истина подтверждается всею историею человечества.

Но при всем том, собственно, при решении вопросов подобного рода, т. е. при ученом раскрытии того, каким образом должны между собою связываться религия и жизнь, вера и знание, — так как, с одной стороны, берутся благодатные начала христианства, с другой — естественные силы человека, — при раскрытии, говорим, этого истина дела необходимо должна заключаться не только в том, чтобы не нарушалась надлежащая гармония отношений между тем и другим, но и в том, чтобы сохранилась самая цельность веры, ее коренные начала в их применении.

Тому, кто пожелал бы окончательно решить этот вопрос, необходимо иметь в виду, собственно, дух и смысл общего верования Церкви; без этого все рассуждения не будут иметь авторитета несомненной и неоспоримой истины.

Сущность христианства как религии Божественной состоит в искуплении, т. е. в том, что второе Лице Пресвятыя Троицы, Единородный Сын Божий, наш Господь Иисус Христос, став Богочеловеком, явился на нашей грешной земле и понес на раменах воспринятой Им от Девы обоженной плоти вину всего человечества <как> как бы свою собственную, пред судом Божией правды, требовавшей наказания человеку, преступившему ее заповедь. Но это дело искупления, совершенное Спасителем, при всей его вседейственной силе, составляет для нас, так сказать, внешнее событие, которое должно быть усвоено нами, сделаться нашею личною собственностию. Крестные заслуги Спасителя — это внешний дар, поданный Им людям и подвигший на милость и благоволение к ним любовь Бога Отца. Понятно, что всем этим не снимается с людей непременная обязанность пещись о заглаждении их вины, что даже от воли самого человека должно зависеть то, чтобы воспользоваться или пренебречь поданным даром; понятно, что одного, так сказать, юридического, со стороны Господа Бога, признания нас правыми мало для действительного

нашего спасения, как скоро мы внутри полны греха и растления, нимало не заботимся о нашем исправлении. Понятно, что для вторичного вступления в союз с Богом нам должно отбросить от себя все то, что, вследствие греха, привошло в нашу природу, что для спасения человека, самовольно уклонившегося от союза с Богом, требуются как сознание вины, так и стремление загладить ее. Таким образом, чтобы спасение, совершенное Господом, действительно спасло человека, так сказать, в нем самом сделалось его личным спасением, для этого человеку необходимо вступить в теснейший союз с Иисусом Христом как Испоручником спасения. Но это личное вступление в союз с Иисусом Христом возможно для нас, по учению православия, не иначе как в Церкви и при посредстве союза с Церковию, потому что она продолжает в мире воспринятое Иисусом Христом дело искупления, очищая и освящая дарами Его благодати каждого верующего. Церковь — это применение дела закланного Агнца к обновлению спасаемого мира, — применение, совершаемое силами и действиями Святого Духа, взыскующими и совершенствующими человека по духу любви, правды и святости Агнца. Поэтому только в Церкви как богоучрежденном обществе веры, благодати и жизни каждый христианин, *не довольный сам от себя что-либо и помыслити доброе* (2 Кор. 3. 5), получает новую жизнь и самое оправдание во Христе. *Христос возлюби Церковь и Себе предаде за ню, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе* (Еф. 5. 25). Значит, вопрос о Церкви как единственной в мире сокровищнице спасительных даров оправдания и освящения, как органе Самого Иисуса Христа, чрез который Он благодатию Духа действует на мир и человечество, созидая в них чад славы Божией, — вопрос о Церкви, говорим, для православного писателя, особенно по делу применения Христовой истины и благодати к жизни и быту человека и общества, должен быть первым, заглавным вопросом; раскрытием его смысла должны выясняться характер и образ применения «человеколюбивого духа Агнца Божия Христа». Церковь как совокупность благодатных учреждений, как осуществление нравственного союза верующих с их Спасителем и между собою, эта Церковь, в понятиях православного писателя, должна заменить папство Рима и идеальную непосредственность веры протестантства. Писатель православный, согласно с духом церковного верования, вместо римского главенства папы, заменяющего собою Иисуса Христа, вместо протестантского самообщения каждого со Христом, — вместо всего этого писатель православный должен выяснить значение Церкви как вселения Агнца Божия Христа и небесной благодати Его Духа между человеками.

Кто пересматривал разбираемый нами сборник статей *А. Бухарева* или отдельно читал его статьи, помещавшиеся в журналах, тот верно, уже понимает, какого рода недостатком страдает упомянутое сочинение этого автора. Оно опускает из виду Церковь, в которой сыны христианского общества возрождаются, воспитываются и возвращаются до *меры возраста исполнения Христова* (Еф. 4. 13), и относит все дело нашего совершенствования непосредственно к Иисусу Христу, так как Он Агнец, открывший для людей источник любви Божией и снявший с них вину грехов. По смыслу представлений автора выходит, что вследствие самозаклания Агнца Божия, пострадавшего за все неправды людей и открывшего для них источник любви Божией, нам самим остается только восставлять себя в Его человеколюбивом духе по всем силам души: уму, воле и чувству. Всецелое искупление нас Агнцем и непосредственное, тоже всецелое, восставление себя в Его духе: вот две главные мысли, на которых держится весь сборник статей *А. Бухарева*.

Но разве мы не знаем, что общение верующих с Иисусом Христом, Агнцем, в Котором почивает полнота Божией любви для нас, что восприятие в себя нами духа Его благодати, Его всепомилования возможны и совершаются только при посредстве видимых, богоустановленных действий? Мы веруем, что отображением в мире и человечестве всего великого дела Спасителя, исполнением, возглавлением всего во Христе как Агнце Божием, распятом за мир и понесшем неправды людские, служит Церковь Божия как богоучрежденное, богохранимое и богосозидаемое царство, освящаемое благодатию обетованного Спасителем и сошедшего на Апостолов Святого Духа, — царство, в котором мы благодатию крещения и других таинств вводимся в непосредственное общение и восприятие духа Агнца и любви Отца, излиянной на мир по заслугам Сына. И верующий не сам собою входит в общение и принятие духа этого Агнца, но его вводит и воцерковляет в нем сама благодать духа посредством видимых представителей — пастырей и внешних их действий. Сократим наше замечание в одну общую мысль: Иисус Христос как Ходатай Бога и человеков примирил их между собою, сделался за людей правдою пред лицом гнева Божия и понес на Себе все грехи человечества, давая тем место любви и милосердию Божию к нам. Но это примирение, эта Христова праведность, это возглавление нас во Христе прилагаются и усвояются нам на самом деле Церковию, в непосредственном союзе с которою возможно для нас и самое совершенствование. Судьба, бытие и жизнь этой Церкви соподчиняются непосредственно Иису-

су Христу как ее основателю и Главе, и Он, как кормчий на корабле, благодатию Св. Духа, присно пребывающего в Церкви, оживляет, осеняет и освящает как все общество верующих, так и каждого его члена в частности; чрез взысканных им пастырей руководит ищущих спасения по пути истины и правды.

Взгляните на растущее пред вами дерево: вы увидите на нем листья, различите ветви, укажете его ствол, словом всю наружную оболочку; но вашему взору недоступны самый его корень и та внутренняя сила, которая живит и заставляет расти это дерево. Нечего и говорить, что корень и та сила — главное в дереве; на первом оно утверждено, второю поддерживается его жизнь. Между тем собственно для нас, т. е. для нашего внешнего чувства, получают значение не корень и сила, которых мы не видим, а именно внешнее его благообразие; без листьев, без ствола и ветвей мы не мыслим дерева. Под этим образом мы думаем выразить весь смысл христианства в применении к нам. Иисус Христос как виновник нашего в Нем возглавления есть основание или корень (1 Кор. 3. 11, Еф. 2. 21). Он и Сам сказал о Себе Своим ученикам: *Аз есмь лоза, вы же рождие* (Иоан. 15. 5); а благодать Духа Святого составляет жизненную силу; внешним же выражением действий Обоих, по воле и мысли Отца, является Церковь как видимое, наглядное применение начал Сына и действий Духа, в послушании силе и воле Отца. Значит, нашему наблюдению прежде всего подлежит Церковь. И подлинно, она служит непременною посредницею между духом всепрощающей Божией любви и благодати Св. Духа, дарованных чрез заслуги Иисуса Христа, с одной стороны, с другой — между грешными и отверженными людьми, нуждающимися в этой любви и этой благодати, ради их нравственного обновления и помилования.

Но именно этого необходимого посредства Церкви, которою самим делом совершается в нас обновление и совершенствование во Христе, и не раскрывают нам статьи сборника *А. Бухарева*. Мало того, они весь ход обновления мира и воссоздания человечества представляют если не моментально совершившимися в существе Голгофской Жертвы, то — продолжающими совершаться чрез всю историю человечества в силу, так сказать, тяготеющего над нами и нравственно необходимого закона — возглавления всего Агнцем. Автор допускает даже инстинктивное, бессознательное со стороны человека осуществление этого закона, под понятие предваряющей благодати он подводит все предрасположения человека к добру. Словом, взгляд автора на продолжающееся дело возглавления всего во Христе такой: «Иисус Христос как Агнец Божий, вземлющий и вынесший на Самом

Себе с грехами всего мира и условливаемые грехом все нестроения во всех предметах мира, — Сам непосредственно как Лицо с Божественными силами и средствами дарует миру Свое добро, светя человечеству светом истины и правды; уничтожает же в нем все злое и презренное единственно усвоением сего Себе как Агнцу, пожертвовавшему Собою за мир и готовому только поддерживать, облагоустраивать, успокоивать всех труждающихся и обремененных в мире» (слова сборника).

Обосновывая такой образ воззрений, как автор не заметил его неполноты? На странице 274 он говорит: благодатному прямо противоположна только наша греховность — прирожденная и произвольная. *Но творяй грех*, — скажем мы, с своей стороны, с Апостолом, — *от диавола есть: яко исперва диавол согрешает* (1 Иоан. 3. 8). Спрашивается: что же по этому воззрению остается на долю человека? Чем свидетельствуется его самостоятельность в деле оправдания и спасения? На эти и подобные вопросы автор не обратил внимания. Как видно, он увлечен только созерцательною стороною тайны искупления и потому он вовсе не объясняет того, кем и каким образом дары этой тайны прививаются к нашей природе; он не сказал, что человек и человечество, в союзе со Христом Богом, при руководстве Церкви как подательницы таинственных благ искупления, идут к цели своего назначения, применительно к обстоятельствам их истории раскрывают то, к чему способны богодарованные им силы ума, воли и чувства. Он не сказал, что Иисус Христос как Агнец Божий, искупив нас, грешных и отпадших от союза с Богом, открыл тем для людей новый вид бытия в лоне Своей Церкви, которая потому и называется царством Христа, — в которой видимо изображается союз всего человечества со Христом, в которой естественное и гражданское озаряется и освящается благодатным и духовным, а благодатное и духовное проникает и совершенствует естественное и гражданское. Значит, для нас — живущих и ищущих совершенствования путем жизни — непосредственный смысл дела скрывается в Церкви; не в том только, что Христос искупил нас и как Агнец Божий действует в мире и человечестве, а и в том, что мы сами, влиянием на нас Церкви, хождением самою жизнию по ее духу и уставам, воцерковляем в себе дух Христов — дух неуклонного служения истине и добру. Между тем, наш автор здесь, видимо, придерживается какого-то идеализма веры; тайно, но сильно будто бы ратует против какого-то подразумеваемого материализма. Эта преднамеренность заметно высказывается в том простодушии и наивности, с которыми он во всем, начиная от изделий мечтательного романа и кончая

хлопотливыми заботами о житейских потребностях, думает видеть инстинктивное или сознательное служение Христовой истине и благодати. Такая шаткость взгляда, естественно, должна была последовать, коль скоро автор все внимание своей мысли сосредоточил преимущественно на том, чтобы раскрыть принесение Господом Самого Себя в жертву за мир, за всякий произвол человеческий ради всяких случайностей, до падения даже волос с нашей головы (с. 90). Не говорим, чтобы это было совсем несправедливо, но этим увлечением думаем несколько объяснить для себя оригинальность некоторых понятий автора (с. 96–97), показывающих его *своеобразный* взгляд на дело веры; думаем объяснить самое его молчание о Церкви, в которой, по его же мысли, православные нарекаются действительными детьми Самого Отца Небесного, по сообщению с Сыном Его чрез крещение и другие Святые ее таинства (с. 325). Этим молчанием как бы покровительствуется та мысль, что обществу других, связанных с нами узами единой веры и упования, нет дела до нас: так как судьба каждого из нас непосредственно во Христе, в любвеобильном и всепрощающем духе Его снисхождения и самопожертвования, так как непосредственно от него каждый человек получает возглавление своего ума, воли и сердца и в Нем единственно находит исправление для своих греховных ран и немощей. Такому представлению дела трудно придать характер православной истины.

Пожалуй, автор может сказать, что все то, чего мы не находим в его сборнике ясно и прямо, само собою подразумевается. В предупреждение этого заметим: не входя в скрытые побуждения намерений автора касательно настоящего предмета, не допускаем того, чтобы истину можно было раскрывать одними подразумениями. Предмет, о котором автор молчит, должен быть раскрыт и выяснен столько же, как и учение об Агнце Божием Христе, закланном от сложения мира; одно без другого неполно, недостаточно, пожалуй — не действенно, как мысль без слова, дух без его непосредственного обнаружения, особенно когда идет речь о проведении Христовой истины и благодати в круг современных потребностей мысли и жизни. В этом случае не раскрыть обстоятельно учения о Церкви как усвоительнице нам даров искупления, при руководстве которой мы совершенствуемся в духе нашего благодатного звания, — значит не высказать должным образом предмета, остановиться на полпути к цели, если еще не отойти от нее в сторону. Поэтому сборник статей о современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской, — называем недостаточным в этом роде сочинением.

Недостаточность его, по взгляду духовного критика, состоит именно в том, что автор смотрит на дело с какой-то идеально-отвлеченной точки зрения, так что во многом думает находить особенный, подразумеваемый смысл. Служа делу истины и веры, он как будто вредит им тем, что в своем религиозном экстазе готов оправдывать и извинять многое бесконечным самопожертвованием и человеколюбием Агнца, заклавшегося за нас (с. 187–188), ослабляет тяготу греха и порока собственно для людей (с. 150–156). Такой образ воззрений едва ли можно назвать истиною Церкви Православной, а не отсветом чего-либо другого, где «человек, верующий во Христа Спасителя, всего меньше нуждается в руководстве закона и делах как сын благодати и любви Отчей». Одним словом, в «Сборнике статей о современных духовных потребностях» гораздо более покровительства идеализму, таинственности, отвлеченности, чем открытого, ясного и наглядного «светения делу Христовой истины». А между тем ведь последнее поставлено, кажется, задачею статей сборника?!

Впрочем, было бы немалою несправедливостию окончить сказанным нашу речь, не промолвив ни слова о несомненных достоинствах сборника статей А. Бухарева. Прежде всего в нем достойна похвалы общая мысль — служить раскрытию Христовой истины применительно к вопросам жизни; достоин одобрения тот дух миролюбия и правдолюбия, с которым автор старается относиться к мнениям других людей, то стремление узнать и выразуметь истину не в частных перемежающихся фактах, но в общем, более историческом ходе жизни, та искренность и подчас теплота чувства, с которыми автор высказывает свои убеждения и мысли. Нельзя отвергать и того, что в сочинениях А. Бухарева много новых и дельных мыслей, к сожалению, запечатленных преимущественно характером его личного понимания; отзываться о них грубо мы никогда не решимся. Мы не скрываем недостатков автора, жалеем о его промахах, но никогда не бросим в него камня. При настоящем бесплодии духовной нашей литературы, при всеобщем почти равнодушии к возвышенным вопросам науки почтенна должна быть всякая благородная личность, не щадящая времени и трудов, а часто и самой себя для разъяснения важнейших предметов христианской мысли и жизни, для возбуждения общества от того умственного усыпления, в котором оно коснеет, беспечное и самодовольное. Мы желали бы только, чтобы автор сам строже и внимательнее, с должным смирением, вновь пересмотрел свои умоначертания при свете Православной Церкви, чтобы он из области идеальных представлений спустил-

ся в сферу действительной жизни и обличил ее пред судом Христовой истины без всякой утайки и поблажки... Наконец, мы попросили бы автора обращать более тщательное внимание на образ выражения его мыслей — на слог; при большей ясности и легкости изложения литературные труды его, без сомнения, имели бы больший круг читателей.